

Этическая рефлексия в формировании национального стиля

ТАТЬЯНА И. СУРИКОВА
(Москва)

Однажды, как гласит старая филологическая легенда, пещерный человек, который и говорил-то пока еще одними междометиями, вместо того чтобы ударить соплеменника дубиной, взял и выругался. Как умел. Но тем самым он совершил культурный скачок, поскольку заменил настоящую, физическую агрессию символической, знаковой.

Развивая эту мысль, предположим, что, во-первых, сделал он это под влиянием этических соображений, впервые пожалев ближнего; во-вторых, нашел новую форму решения спорных вопросов – вербальную; в-третьих, своим нетривиальным поступком определил основное направление развития культуры, и этики как ее составной части, на тысячелетия вперед.

Этика же как система ценностей и императивов, цель которой – говоря образно, сотворить из *homo erectus* (человека прямоходящего) *homo sapiens* (человека разумного), т.е. Человека – подобие Божие, и которая регулирует общение людей между собой, со всем живым и с Богом, начала формироваться, наверно, еще раньше. И с тех пор влияние ее неуклонно расширялось стало всепроникающим, приобрело общие и этноспецифические черты и не обошло область национального стиля.

1. Этика, языковая картина мира и национальный стиль

Словосочетание *национальный стиль* – одно из любимых, общих, частотных, применимых по отношению к самым разным явлениям культуры и поэтому крайне размытых. И скорее это красивая метафора, чем термин. Но

некоторые элементы национального стиля в приложении к языку, языковому сознанию, коммуникации выделяется обязательно. И на них можно опираться в представлении о феномене. Это – отбор средств знакового отражения действительности в соответствии с этноспецифическим мировидением, мировосприятием, мировоззрением, т.е. менталитетом (Корнилов 1999: 76). Менталитет, в свою очередь, включает как минимум четыре обязательных компонента обыденного сознания: сенсорно-рецептивный, эмоционально-оценочный, логико-понятийный и ценностно-нравственный, формируется под влиянием условий жизни, традиций и опять же нравственности (читай – этики). Для лингвистики существенно, что национальный стиль и находит отражение в менталитете, и через его посредство в языковой картине мира (Н.Д. Арутюнова, Анна А. Зализняк, Ю.Д. Апресян, И.Д. Шмелев, А. Вежицкая и др.), системе языка и коммуникации, и, в свою очередь, формирует их. Попробуем это обосновать

Картина мира (не разделяя энциклопедической составляющей и языковой семантики), порождение культуры и языкового сознания, – посредник между действительностью, знаковой системой языка и коммуникаций. Она фиксирует внеязыковую действительность и то, что мы думаем и знаем о ней, с содержательной, понятийной стороны.

В этом аспекте она обращена к сфере мышления, логики, познания, энциклопедических знаний, и язык – это только форма представления, сохранения, накопления и наследования этой информации в одной из знаковых систем наряду с другими (например, инфографикой). С этой точки зрения в картине мира нашли отражение рефлексия ученых по поводу того, что есть этика (Гусейнов 2003), и основные, сущностные ее категории как регулирующей системы, как универсальные, так и этноспецифичные. Это:

- этически должное (санкционированная обществом система ценностей – в современной российской политике, например, *демократия, социальное государство*) и сущее (то, что есть в действительности, т.е. и ценности, и антиценности: *тандемократия* – о правящем дуэте президента РФ Д.А. Медведева и премьера В.В. Путина, *распилократия, стабилитизм* – о существующем строе РФ);

- вариативность и историческая изменчивость представлений о должном, как естественная, так и искусственно навязанная. В современной России, последнее – это, в частности, по выражению философов, релятивизация ценностей, нередко насаждаемое государственной политикой изменение представлений о предписанном и запрещенном, плохом и хорошем. Скажем,

сейчас государство через СМИ насаждает идеологию потребительства, в рамках которой человек рассматривается как субъект и объект потребления — покупатель и товар;

- общечеловеческие представления (*Не убий!*, *Не укради!*) и национально специфические (к таковым многие исследователи причисляют русскую *соборность* в противовес западному индивидуализму);

- общие (*Не лжесвидетельствуй!*) и корпоративные этические императивы (одному из них — клятве Гиппократа — более двух тысяч лет);

- общие (идеалистическое *чиновник — слуга народа*), корпоративные (*круговая порука*, *кумовство*, *телефонное право*) и индивидуальные интересы, которые могут противоречить и друг другу, и представлениям о должном;

- константы культуры (*добро и зло* как вневременные этические категории) и ее переменные (формы проявления того же *добра* и *зла* в зависимости от контекста: например, раньше русская медицинская этика запрещала сообщать больному о смертельной болезни, а теперь этот запрет снят);

- сущностные представления этики (*терпимость*, *милосердие*, *мудрость*), и коммуникативные проявления сущностных категорий (скажем, *корректность* и особенно *политкорректность* поведенческие проявления *терпимости*), а также ее внешняя агрибутика, ритуал (*речевой этикет*, *этикетные речевые жанры: поздравление, соболезнование; речевые жанры с этической целеустановкой: оскорбление, лесть, похвала, похвальба*).

Когда говорят о специфике любого стиля (функционального, литературного, национального), подразумевают прежде всего черты, отличающие его от других и, следовательно, стилеобразующие. Приведенная выше сильно упрощенная классификация этических категорий как компонента картины мира позволяет выделить компоненты содержания, которые могут быть в первую очередь чисто российскими и, следовательно, стилеобразующими. Это этноспецифические этические императивы (*соборность*), та часть сущего, которая фиксирует антиценности: *телефонное право*, *человек как товар*, национальный этикет как система правил поведения, которая делает коммуникацию предсказуемой, психологически комфортной, удобной.

Однако любой стиль подразумевает как фоновые и элементы, стилистически не маркированные, нейтральные (в нашем случае, скажем, заповеди декалога с шестой по десятую, данные Господом Моисею на горе Синай и положенные в основу не только этики, но и законодательства многих стран мира). Они тоже формируют облик национального стиля, но только в категории «общее» и,

кроме того, могут быть весьма своеобразно представлены средствами языка, что тоже может быть этноспецифичным, а следовательно, сгилеобразующим.

Как посредник между действительностью и ее представлением в языке, коммуникации картина мира другой своей стороной обращена в область вербализации, знаковой системы, специфики языка, языкового сознания (логическое ударение ставим теперь на первом слого). Именно о ней принято говорить как о языковой.

В любой национальной картине мира, в смысле представленной прежде всего средствами национального языка, действительность отражена в двух разных системах, которые формируются на основе того, результаты какой формы познания действительности зафиксированы. Эти формы – научная картина мира (Корнилов 1999: 3–133), результат целенаправленного исследования действительности и получения точного знания и наивная языковая картина мира – результат вековых наблюдений этноса над природой, жизнью, обществом и самим собой (ее обычно подразумевают, употребляя наименование «языковая картина мира»). Соответственно и этика как отрасль гуманитарного знания (а также общая и частная мораль: медицинская, предпринимательская, христианская этика и др.) представлена в научной картине мира. А как система национальных представлений о должном и сущем, которая существовала независимо от науки и задолго до нее, – в наивной. Она получила в языкознании название наивной этики. Именно она в первую очередь вносит вклад в своеобразие национального стиля, но и научная этика не лишена этой способности.

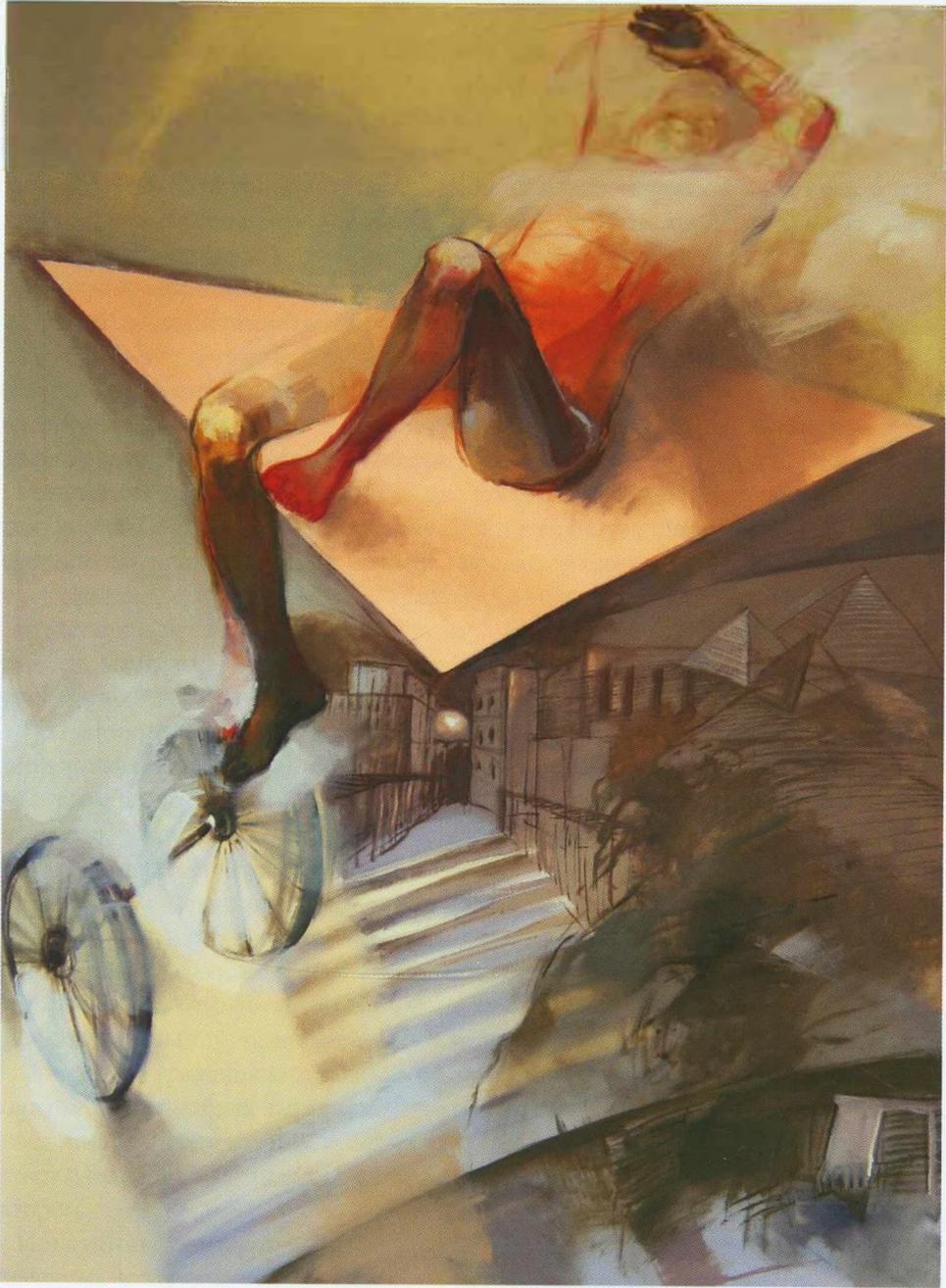
Рассмотрим основные, значимые для национального стиля черты той и другой форм.

2. Научная и наивная этика, их семиотические особенности и отражение в национальном стиле

2.1. Научная этика

Более двух тысяч лет этическую систему изучает философская этика, деонтология, модальная логика, философия языка. В качестве одного из аспектов должное входит в состав риторики и культуры речи как научно-практической лингвистической дисциплины.

Но даже если связь с этикой не декларируется, следы научной этической рефлексии можно найти в любой науке о человеке и языке. Скажем, в

Miasta umarłych (olej, 130x180 cm), 2007 r.)

функциональной стилистике расслоение средств языка на стили деловой, научный, публицистический, обиходно-разговорный и художественный обусловлено экстралингвистическим фактором целесообразности (на языке этики – *пользы*) для его носителей. В центре речевой прагматики и коммуникации говорящий человек, имеющий в виду определенную цель, в том числе и этически значимую: *ругать, хвалить, делать комплименты, резать правду-матку или лгать, оскорбить, ободрить, льстить* и под.

Минимальная единица речи – *речевой акт*, оформленный в одном или нескольких высказываниях, – также чаще всего мотивирован этически либо по целеустановке (например, *промиссив*, т.е. обещание; *комиссив*, т.е. обязательство), либо по форме: прямой: *Короче, Склифосовский!; Помедленнее, пожалуйста, я записываю* – или косвенной, с этической подоплекой: – *Это хорошая книга? – Она хорошо издана.*

Генристика активно изучает сейчас речевые жанры (Антология речевых жанров: 2007). Они отражают речевое взаимодействие партнеров в типичных коммуникативных ситуациях и также нередко имеют этическую мотивировку (*поздравление, проработка, инвектива*). Да и те, что, казалось бы, этически нейтральны (*беседа, розыгрыш*) в коммуникации могут стать этически отмеченными, например, если даже нечаянно допустить бестактность по отношению к партнеру.

Таким образом, предмет, классификация и терминологический аппарат и лингвистических дисциплин вовлекается в сферу этического осмысления действительности. А в ряде случаев заимствуется и терминология (*обязательство, обещание, оскорбление*), которая, сохраняя этическую суть, наделяется новым содержанием.

Должное в научной этике представлено общими этическими нормами. Скажем, одна из основных, так называемое «золотое правило», – *не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе* (Этика 2004: 156–158). Они дополняются профессиональными, которые представлены в форме профессиональных принципов, скажем противодействия экстремизму и ограничению гражданских свобод по признакам пола, расы, языка, религии, политических и иных взглядов. Эти принципы реализуются в виде правил поведения – предписаний и запретов. Например, достоверная информация может быть получена только из авторитетных, достоверных источников самим автором.

Понятийный аппарат научной этики представлен в терминологии – системе этических понятий, и самых общих (*добро, зло, счастье*), и частных

(*мудрость, эгоизм, ненависть*) (Кон 1981; Этика: энциклопедический словарь: 2004; Гусейнов 2004: 286–302). За каждым из них закреплено определение, чаще всего это дефиниция. Термины, как правило, существуют в терминосистемах, в которых они иерархически организованы и значение одного опирается на значение другого (хотя этическая терминология своеобразна и нередко приближается по степени неопределенности и размытости значения к обиходному языку).

Важнейшее и познавательное, и семантическое, и коммуникативное свойство научной формы представления знаний – ее эксплицитность, т.е. выраженность значения в словах (а не подразумеваемых и вытекающих из слов смыслах), однозначность, общепринятость, закрепленность значения в сфере знаний. Все перечисленное ограничивает их трактовку заранее заданным, общепринятым набором смыслов, позволяют доказательно квалифицировать явление действительности, опираясь на принцип, норму или ряд перечисленных в определении термина признаков.

Как словесное выражение мысли элементы научной картины мира могут стать дифференцирующим признаком национального стиля только в случае, если отражают этноспецифические этические реалии (*общинность, соборность*).

Но сам термин, имя, если он не заимствован из интернационального терминологического фонда, может отражать своеобразие национального стиля, поскольку сохраняет этимологические связи, идущую из глубины веков внутреннюю форму. А «внутренние формы» слов историчны и национальны. В них выражается национальный стиль, дух и миропонимание эпохи, социальной среды» (Виноградов 2010: 135). И есть немало этических терминов, во-первых, с прозрачной и красноречивой внутренней формой: *мужество, жертвенность, милосердие, совесть*, а во-вторых, и лингвистических с этическими семантиками (ср.: синонимы *инвектива* и *оскорбление, комиссив* и *обязательство*).

2.2. Наивная этика

Философы не раз отмечали, что в сферу этики легко вовлекаются смежные области. Так, этической оценке подлежит политика (Гусейнов 2004: 290). В частности, обсуждаем мы то, что наболело, поэтому в СМИ никогда не утихнут споры по поводу, например, того, есть ли в принципе *совесть* у политика; под давлением этических императивов складываются стереотипы массового сознания (*политика – грязное дело*); самих представителей этой

профессии, если они приносят благо государству, называют *крупными государственными деятелями, государственными мужами*, но если вред – то *политическими авантюристами, мелкими политиками, политиканами*.

Но, с точки зрения языка, коммуникации, прагматики, правомерно было бы сказать наоборот: не смежные области вовлекаются в сферу этики, а этика проникает в них, становится их неотъемлемой частью, поскольку регулирует их развитие наряду со специфическими явлениями. Причем этика преимущественно наивная, этика естественного языка.

Слово в нем, в отличие от термина науки, помимо словарного толкования, составляющего лексический минимум значения, по которому можно опознать соответствующее явление действительности, развивает этические коннотации, не зафиксированные в словаре, но выявляемые в речи, в семантике высказывания, текста, в контексте мировой и национальной культуры. Скажем, по словарю *совесть* – это *чувство нравственной ответственности перед собой и другими*. Это словарный минимум, часть значения, которая совпадает с одноименным термином. И нигде не сказано, что мы представляем совесть как живое существо, ведь она может *спать, проснуться, глодать, грызть, быть неусыпной, чистой, нечистой*, может *вершить суд* и делать еще много чего, что абстрактной сущности не свойственно. А это уже представление наивной этики, идущее из глубины веков и черта национального стиля.

Есть в русской наивной этике этноспецифические, безэквивалентные понятия: *совестно, обидно, неудобно*, а также понятия с безэквивалентными семами: *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, жалость* (Ю.С. Степанов, Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина и др.)

Кроме того, в наивной этике этическому осмыслению подвергаются понятия смежных сфер: гендера, государства, политики, семьи, педагогики, культуры, досуга и др. Такое осмысление сказывается в том, что они так же легко развивают этические коннотации.

Например, согласно словарю, *мужчина* – это взрослый человек, противоположный женщине по полу, *женщина* – соответственно наоборот. Это эксплицитно сформулированные значения слов – смысловой лексический минимум, который позволяет по слову идентифицировать явление действительности. Но в культуре оба они неизмеримо богаче и значимей.

Рассмотрим первое. Скажем, если один мужчина говорит другому: *Поговорим как мужчина с мужчиной*, он имеет в виду под именем *мужчина*

не возраст и биологический пол, а набор человеческих качеств собеседника, подразумеваемых в национальной культуре как само собой разумеющиеся: благородство, способность защитить слабого, самопожертвование, великодушие – и названных словом *мужественность*. А все перечисленное – этические категории, этические ценности. Таким образом понятие *мужчина*, изначально биологическое, становится в не меньшей (а может быть, и в большей степени) этическим.

Что для русской культуры значат слова *мужчина* и *женщина*, выражено В. Солоухиным в стихотворении «Мужчины», которое приводятся с сокращениями:

Пусть вороны гибель вешали
И кони топтали жнивье,
Мужскими считались вещами
Кольчуга, седло и копье.
Во время военной кручины
В полях, в ковылях, на снегу
Мужчины, Мужчины, Мужчины
Пути заступали врагу.
Пусть жены в ночи голосили
И пролитой крови не счесть,
Мужской принадлежностью были
Мужская отвага и честь.
Гайтся лицо под личиной,
Но глаз пистолета свинцов.
Мужчины, Мужчины, Мужчины
К барьеру вели подлецов.

А если звезда не светила
И решкой ложилась судьба,
Мужским достоянием было
Короткое слово – борьба.
Пусть небо черно, как овчина,
И проблеска нету вдали,
Мужчины, Мужчины, Мужчины
В остроги сибирские шли (...)
А женщина – женщиной будет:
И мать, и сестра, и жена,
Уложит она, и разбудит,
И даст на дорогу вина.
Проводит и мужа и сына,
Обнимет на самом краю...
Мужчины, Мужчины, Мужчины,
Вы слышите песню мою?

Область влияния наивной этики функционально шире, чем научной: ее императивы, руководили жизнью этноса, в том числе и языковым поведением, когда люди об этике как таковой не задумывались. Так, испокон веков значимым в истории людям народ давал прозвища, в том числе и мотивированные этически (хотя о науке этике народ знал едва ли, особенно в Древней Руси). Князь Ярослав был *Мудрый*, царь Иван IV *Грозный*, император Петр Первый стал *Великим*. Традиция в межличностном общении продолжается и в наши дни (сколько кличек дано от большой любви народом некоторым политическим деятелям – и не сосчитаешь (Вальтер, Мокиенко 2007), многие и не процитируешь). В СМИ неэтично называть человека прозвищем, но журналисты обходят этот запрет, прикрываясь семиотической ролью ретранслятора (Шейгал 2004: 59): они транслируют речь народа, а

народу рот не заткнешь и из чужой песни слова не выкинешь: *Массовое разочарование кандидатами* (в президенты – Т.С.) *народные юмористы выразили и в прозвищах: «Бандюкович» (намёк на прошлые судимости кандидата) и «Тимошенница» (последнее особенно эффектно звучит на мове – «Тымошенница»)* (Аргументы и факты. 10.02.2010.).

Наивная этика вербально отражена намного шире научной. Наиболее наглядно мы наблюдаем это в лексике, фразеологии, поскольку эти уровни знаковой системы связывают язык, познание и жизнь. Это очевидно, поэтому отметим только одно этически отмеченное явление, характеризующее современный национальный стиль.

Это пополнение лексического состава языка СМИ за счет внутреннего заимствования из жаргонов социального низа: *на игле, крыша, наезд, мочить, заказать, откат, распил, беспредел* и пр. Процесс был настолько масштабный, что многие исследователи назвали его очередной волной варваризации языка (Л.П. Крысин, Г.Я. Солганик, М. Кронгауз, В.Г. Костомаров и др.). Этическое следствие такого заимствования – вымывание человеческой сути из русской языковой картины мира, когда язык регистрирует, образно говоря, постепенное возвращение *Homo sapiens*: в состояние *Homo erectus*. Сам процесс, активный в 1990-х гг., сейчас замедлился, но то, что пополнило речь, осваивается и языковой системой, и национальным менталитетом.

Входили все эти лексемы в язык СМИ, заполняя понятийные лакуны (*крышевание, наезд*) и вытесняя синонимы (*беспредел* заменил понятия *произвол* и *беззаконие*). Для аудитории и журналистов поначалу они были стилистически маркированные элементы экспрессии. Но от бесконечного повторения экспрессия многих из них стирается, расширяется сочетаемость, начинаются процессы метафоризации, словообразования, порой весьма далекие от исходного значения слов и их изначальной функциональной прикрепленности, перестают осознаваться родственные связи с криминальным жаргоном и в результате элементы криминальной картины мира входят в общеязыковую не пораженные в правах и свободные от своего криминального прошлого (Язык массовой и межличностной коммуникации 2006: 144–147).

Так, уже в 2009 г. один из экспертов, профессор искусствоведения, комментируя по телевидению захват и разрушение очередного памятника культуры и архитектуры, заявил: *«Это наглый наезд на ценности культуры»* (обратите внимание: элемент экспрессии в этой оценке – определение *наглый*, а не определяемое *наезд*, как логично было бы ожидать). Даже в заяв-

лении МИДа М. Кронгауз зафиксировал словосочетание *акт террористического беспредела*.

В диахронической перспективе это обычный путь пополнения словарного литературного языка: скажем, глагол *передергивать* уже давно утратил связи с жаргоном карточных шулеров. Но в синхронии масштабы этого явления маркируют состояние общественного сознания, как градусник – болезнь, а в умах носителей языка с развитой языковой рефлексией, порождают этический и стилистический протест.

Следы этической рефлексии есть и в грамматической системе. В словообразовании можно выделить словообразовательные модели с этической подоплекой. Это переход имен собственных в нарицательные как олицетворение порока или достоинства: *молчалины, плюшкины, Платоны, Невтоны, гайдары, чубайсы*. Наше время добавило в эту модель еще и усечение основы, сейчас активное. Так, словечком *евсюки* в народе окрестили силовиков, не боящихся кары ни земной, ни небесной, после того, как в 2009 г. начальник Царицынского УВД г. Москвы майор Д. Евсюков в пьяном виде устроил стрельбу в супермаркете, произвел более 30 выстрелов, убил и ранил около десяти человек. Образование отвлеченных имен с суффиксами –изм, –щина: *обломовщина, сталинизм, гайдаровщина* – от конкретных со значением конкретного порока. Словообразовательная цепь такая: *Гайдар* (Егор Тимурович) → *гайдары* (причем только во мн. числе) → *гайдаровщина*.

Следующая этически значимый словообразовательный способ – скорнение: *стабилизим, тандемодемократия, распилокрафия, митингады, демокрадия, обгайдарить, подгузники, подберезовики, баоБАБЫ* (сторонники ныне опальных олигархов В. Гусинского и Б. Березовского), *путиниана, путинокрафия, Путиночет*.

Этически отмеченным словообразование, как и образование новых значений у слов, делает метафорическая мотивация: выбор концептуальной сферы-донора и основания сходства. Так, активна метафора болезни (*едрянка, едитот, финансовая непроходимость, бюджетный запор, кастрация /обрезание бюджета, политическая импотенция, политическая дефлорация, логорея* – безудержная болтовня); фито- и зооморфизмы (*овощ /гриб, социальный паразит* – чиновник, *митингады, офисный планктон, сетевой хомяк /лемминг, копытные* – вид взятки чиновнику).

Выбор этих концептуальных сфер-доноров традиционен (Чудинов 2001) – новое то, что мы, похоже, все глубже уходим в сферу биологического, социального и, следовательно, языкового низа. Морбиальная мегафора это

отражает в выборе недугов, о которых многие стесняются говорить даже врачу. Фито- и зооморфизмы – в том, что мы выбираем за основу примитивные живые организмы и актуализируем семы примитивизма. Скажем, чиновник XIX века, как представитель власти, был хотя бы грызуном – *канцелярской крысой*, сейчас его разжаловали в *социальные паразиты, овощи и грибы*.

Влияние этических представлений этноса можно проследить и на других явлениях грамматики. Так, считается, что личные местоимения – чисто грамматическая часть речи, которая, в частности, организует ситуацию общения с точки зрения его участников и их коммуникативных ролей: Я – говорящий, Ты – слушающий, Он, Она, Оно – предмет речи, т.е. человек, не принимающий участия в коммуникативном акте, или вообще неодушевленная сущность.

Но местоимения Я, ТЫ и ВЫ при этом еще и чутко реагируют на русские этические предписания, в частности приоритет личной скромности, нивелирование собственного Я, внимание к собеседнику. Так, единственное местоимение, которое всегда пишется с большой буквы и при этом употребляется во множественном числе, – русское вежливое ВЫ (для сравнения: в английском языке тоже есть одно местоимение с большой буквы, только это местоимение – Я).

Столь же иллюстративны и некоторые явления синтаксиса с участием, вернее, без участия местоимений там, где они по семантической структуре должны были бы быть. Скажем, специалисты по-разному объясняют распространение безличности (Вежбицкая 1996). Но, видимо, к языковым и психологическим причинам можно добавить и этические – ориентацию языкового сознания на эталон скромности (гагаринское «*Поехали!*»), с одной стороны, и безалаберность – с другой (любимые национальные формулы *Получилось*, если желаемый результат достигнут, *Так получилось* или *Хотели как лучше – получилось как всегда* – если наоборот).

Местоимений Я и МЫ в именительном падеже, семантической роли субъекта, подлежащего мы тоже нередко избегаем (если противоположного не требует целеустановка высказывания, контекст или тип предложения), предпочитая стилистически нейтральные определенно-личные эквиваленты: *Хорошо стоим* (рубрика на радио о пробках на дорогах) В свое время в приказах обычной формулировкой было: *Командовать парадом буду я*. После того как она была высмеяна в романе И. Ильфа «Золотой теленок» как выражение самонадеянности и яканья (фразу, как известно,

любил главный герой романа авантюрист О. Бендер), в коммуникации появились более скромные эквиваленты, которые в деловом обиходе до сих пор: *Командование / контроль/ руководство оставляю за собой; руководство операцией приказано мне и под.*

В основе синтаксической сочетаемости наличие хотя бы одной общей семы. С этой точки зрения личным местоимениям первого и второго лица семантически ничто не мешает сочетаться со словами, обозначающими высокую общественную оценку человека: *Пушкин – наше все; Она – звезда оперной сцены* (чаще не в присутствии тех, о ком говорят), но высказывания *Вы/ ты – прославленный ученый*, скорее всего, будут восприняты как лесть, бестактность.

И если подобного высказывания не избежать, говорящие всячески снижают уровень категоричности оценки (Почепцов 1987): *Вы просто гений. Я понимаю, что об этом неудобно говорить в глаза. Но такой я бестактный нахал – Э. Рязанов А. Пахмутовой* (1 Канал ТВ 23.01.2010); *Ирочка! Если бы я знал, что ты станешь такая великая, я никогда бы от тебя не ушел – А. Уланов И. Родниной* (1 Канал ТВ 06.02.2010). Такие же высказывания о себе любимом с Я, расцениваются как хвастовство, яканье: *Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоен.*

Синтагматическая несочетаемость слов с семой «человек» со словами с компонентом «предмет, вещь» – синтаксическое и семантическое отражение этических представлений о человеке как подобии Божию. Но все меняется, если на человека смотреть как на товар. В 25 номере 2009 г. газета «Спидинфо» опубликовала статью А. Никонова «Добей, чтобы не мучился»: *Рождение в семье дебила – трагедия. ... Поэтому абсолютное большинство нормальных людей сдает бракованных детей государству.* Весь текст в таком духе.

Бракованный ребенок – это даже не живое существо, которому может быть и больно, и страшно, а товар, лишенный заданных потребительских качеств. Родители, которые *сдают государству бракованных детей*, как макулатуру или металлолом, – это *нормальные люди*. По мнению автора.

Аудитория была возмущена – автору пришлось заплатить штраф за демонстративный цинизм, недопустимый в СМИ.

Однако как отражение идеологии потребительства, которая сейчас активно внедряется в сознание общества, такая сочетаемость реализуется в сочетаниях *брендовый мужчина* (богатый спонсор с высоким общественным статусом), *брендовая женщина, девушка* (успешная, способ-

ная заинтересовать и завоевать брендового мужчину). И воспринимается целевой аудиторией гламурных журналов как норма, руководство к действию. Все упомянутые следы наивной этики в грамматике тоже создают своеобразие национального стиля.

И наконец, последний уровень, подвижный, этноспецифичный и реагирующий на действительность в первую очередь, – концептосфера. Рассмотрим некоторые эффекты, связанные с этическим влиянием.

Первое из них – перемещение ядерных значений на смысловую периферию и периферии в центр.

Если верить толковым словарям, ядерным элементом концепта *чиновник*, является *государственный служащий*, поскольку это его прямое значение – лексический минимум концепта. Переносное значение и, следовательно, периферия – это *человек, служащий без интереса, бюрократически*.

Если верить словарям синонимов, то смысловое ядро понятия – вовсе не госслужащий, а как раз *бюрократ*, поскольку в синонимическом ряду *бюрократ, чиноврал, чинуша, буквоед, чернильная крыса, канцелярская крыса, чернильная душа, приказная строка, приказной крючок, крапивное семя*, довольно обширном, только такие, в которых этический негатив – ядерный компонент значения. О том же свидетельствует словарь же А.И. Михельсона «Русская речь и мысль», который дает статьи «*Чиноврал*» и «*Чинуш–чиноша (ирон.)*» (в них слово *чиновник* появляется вообще только в толковании). А в современных СМИ самые сильные оценочные синонимы прошлого – *канцелярская крыса* и *крапивное семя* – уступают место еще более эмоционально и социально насыщенному – *социальный паразит*.

Нежелание носителей языка признавать недостойное достойным ведет к смысловому расщеплению прежде единых концептов и развитию в них энантиосемии. Таков, к примеру, концепт *элита*. В нем «раздвоение» обусловлено референцией, признаком «кто/что к ней причисляется». С начала 1990-х гг. лексемы *элита, элитный, элитарный*, эксплицирующие этот концепт, сильно расширили сочетаемость. Элитным стало все, включая унитазаы. Но ни размытая сочетаемость, ни девальвация значения не вымыли из концепта *элита* его ядерного компонента – *лучший*, но только в отношении всего, что не касается современных власть имущих. А вот в отношении них концепт поменял значение на противоположное и развил новую сему – *супербогатый* (Кронгауз 2008: 27–32) и социально бесполезный. Скажем, в отношении науки, культуры или спорта словосочетание *хоть какая-то элита* исключено, а в отношении бизнеса и политики – пожалуйста:

Пройдут годы, и у нас образуется хоть какая-то элита, чьи дети будут лучше отцов. Ведь Алиев-сын не загубил Азербайджан, а напротив – развивает и просвещает его. (Аргументы и факты, 05.05.2010)

Номинативное расщепление концепта – еще один след этических представлений общества в языковой картине мира. Такое происходит в концептом *политик*. При том, что в обществе прочно утвердился стереотип «политика – грязное дело», те, кто ею занят, оцениваются обществом по-разному, что представлено в двух лексемах – *политик* – обобщающее название человека по роду занятий, любой политик (Гитлер, Рузвельт) – и *государственный деятель* – не всякий политик, а только тот, кто думает о благе государства и его подданных и достигает на государственном поприще заметных успехов (Рузвельт, но никак не Гитлер – с нашей точки зрения). За первой номинацией закрепляются отрицательно-оценочные коннотации этического характера, причем очень давно: *Политик м. умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать.* (В. Даль)

В коммуникации представители власти нередко отрешиваются от номинации *политик* по формуле «Я не политик, а.../ Я..., а не политик»: *Я не политик, а гражданин, который стал президентом России – В.В.Путин; Я не политик! Я за свои слова отвечаю!* – Н. Шишкин, прокурор Воронежской области. А бывший президент Украины В. Ющенко однажды признался, что предпочитает называть себя *государственным деятелем* и не любит, когда его другие называют *политиком*.

За второй номинацией – *государственный деятель* – закрепляются положительные коннотации. Так, *крупными* могут быть и *политик*, и *государственный деятель*, а вот *мелкими* – в подавляющем большинстве контекстов только *политик* и *политический деятель*. Лучше всего разницу между понятиями иллюстрирует афоризм У. Черчилля: *Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель на следующее поколение.*

Сужение или, наоборот, разрастание концептов, расширение значения, стягивание одного в орбиту другого – еще одно следствие и жизни, и этических представлений о ней. Показателен в этом отношении концепт *коррупция*. Он разрастается и стягивает в свою орбиту не только концепт *чиновник* (что исторически обусловлено), но и концепты *государство*, *правосудие*, *власть*. В нем развивается новое основное значение – *срастание государства и власти с*

криминалитетом. Государство в структуре концепта выступают как обобщенный субъект коррупции. Определение государства как *коррупцированного* – одно из самых частотных. Номинации *государственная коррупция, коррупция в высших эшелонах власти, коррупцированная бюрократия, средний коррупцированный чиновник, коррупцированный бизнес, коррупционная емкость закона* также представляют государство как обобщенный субъект коррупции. А несколько лет назад возник новый прецедентный феномен – *Басманное правосудие*, т.е. коррупцированное, далекое от цели *судить право* (по названию московского Басманного суда, который прославился незаконными вердиктами). Уже несколько лет пополняется языковая коллекция коррупционеров-оборотней в погонах, в партийных погонах, во власти, на таможне, в пиджаках, с героином (о милиции, приторговывающей по совместительству наркотиками), в ГАИ, с мандатами и т.п., хотя последнее время потенциал этой метафоры иссякает, но это не значит, что коррупционеров стало меньше.

Коррупция стала градуироваться по уровням: раньше по определению она была принадлежностью высших эшелонов власти и государственных служащих, а теперь появилась *низовая коррупция, бытовая коррупция* – поборы и вымогательство со стороны врачей, учителей, коммунальщиков и др. специалистов, с кем мы сталкиваемся ежедневно и кого нищенской оплатой труда и безнаказанностью государство само подталкивает к подобным действиям.

Но тем не менее *коррупция* была и остается прежде всего прерогативой высшего чиновничества, о чем свидетельствует развитие номинаций ее объекта – взятки. Помимо оживших традиционных ее наименований *мзда* и *барашек в бумажке*, в коммуникации появились новые, соотносимые только с чиновничеством: *административная рента, непроизводственные расходы, цена вопроса, копытные, воздух, административное сопровождение*, – деньги, уплачиваемые за нужную документацию и разрешения на какую-либо деятельность. Причем платят их, как правило, не за то, чтобы чиновник совершил что-то не совсем законное, а за то, чтобы он просто вовремя и без проволочек выполнил свои обязанности. В госучреждениях вроде всяких регистрационных палат даже появилась традиционная формулировка: чиновник, принимая документы к рассмотрению, спрашивает клиента: *Как будем делать: с сопровождением или без сопровождения?* Формулировка *без сопровождения* обозначает

всяческие проволочки с принятием нужного решения и целенаправленную трепку нервов клиента.

Появился особый вид взятки: *откат* – процент от выделенных государством средств, возвращаемый чиновнику в виде «благодарности» за принятие нужного решения; а у самих высших чиновников – новый вид деятельности – *распил*, т.е. разворовывание государственных средств по принципу «тебе (в смысле государству) половина и мне половина» под видом выполнения государственного задания. И откаты и распилы стали настолько всеобъемлющим явлением, что появились их ироничные наименования – *пилинг* и *откатинг*, слова, которые в 2008 году были признаны победителями на ежегодном интернет-конкурсе «Слово года».

Конкретный субъект коррупции в СМИ в основном представлен прозвищами типа *Миша-два процента* (это про одного премьер-министра и *откаты*), *Миша-конверт* (о тех же откатах, но другом лице столь же высокого ранга), *Паша-мерседес* (еще один ославленный СМИ министр-коррупционер, хотя подобную информацию по понятным причинам стараются не разглашать) и именами конкретных коррупционеров (в последнее время преимущественно крупных чиновников), которые ежедневно попадают в поле внимания СМИ и тут же забываются.

Наименования некоторых профессий (*менты*, *ДПСники*, *ГАИшники*, *силовики*) также развили в своем значении сему коррупционности, безответственности, злоупотребления властью.

Вряд ли этноспецифичны все процессы, происходящее в русской концептосфере, и даже их этическая мотивировка – своеобразен смысловой результат как отражение жизни, коллизий времени под воздействием этических представлений о должном и сущем, ценностях и антиценностях.

Литература

- Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*, 2007, Москва.
Арутюнова Н.Д., 1999, *Язык и мир человека*, Москва.
Вальтер Х., Мокиенко В.М., 2007, *Большой словарь русских прозвищ*, Москва.
Вежицкая А., 1996, *Язык. Культура. Познание*, Москва.
Вепрева И. Т., 2006, *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*, Москва.
Воркачев С.Г., 2003, *Концепт как «зонтиковый термин»*. – Язык, сознание, коммуникация, Вып. 24, Москва, с. 5–12.
Гусейнов А. А., 2003, *История этический учений*, Москва.

- Гусейнов А. А., 2004, *Этика*, Москва.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2005, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, Москва.
- Карасик В.И., 2002, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Волгоград.
- Корнилов О.А., 2009, *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва.
- Красных В.В., 2003, *Свой среди «чужих»: миф или реальность*, Москва.
- Кронгауз М., 2009, *Русский язык на грани нервного срыва*, Москва.
- Крысин Л.П., 2000, *О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. – Исследования по славянским языкам*, № 5, Сеул, с. 63–91.
- Кубрякова Е.С., 2004, *Язык и знание*, Москва.
- Леонтьев, А. А., 1969, *Язык. Речь. Речевая деятельность*, Москва.
- Лингвокультурный концепт: типология и области бытования*, 2007, под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева, Волгоград.
- Логический анализ языка: языки этики*, Москва 2000, с. 178.
- Михайлова М. В., 1999, *Молчание как форма духовного опыта*: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 СПб.
- Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект*, СПб, 2007.
- Санников А. В., *Достоинство, гордость и самолюбие в русской наивной этике.* – sann@pm.ru
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В., 1989, *Общая терминология: вопросы теории*, Москва.
- Степанов Ю.С., 1997, *Константы: словарь русской культуры: Опыт исследования*, Москва.
- А. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, 2007, Москва.
- Чудинов А. П., 2001, *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*, Екатеринбург.
- Шапошников В.Н., 1998, *Русская речь в 1990-х: современная Россия в языковом отражении*, Москва.
- Шейгал Е.И., 2004, *Семиотика политического дискурса*, Москва.
- Шмелев А.Д., 2002, *Русская языковая модель мира: материалы к словарю*, Москва.
- Эпштейн М., 2005, *Слово и молчание в русской культуре*, „звезда” 2005, № 10.
- Этика: энциклопедический словарь*, 2001, под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова Москва.
- Этика речевого поведения российского журналиста*, СПб., 2009.
- Язык массовой и межличностной коммуникации*, 2006, Москва.
- Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*, 2003, Москва.

Ethical Reflection in the Formation of National Discourse

The article examines phenomena influencing ethical imperatives, mainly naïve ethics, upon the national style at the level of the world linguistic picture in conceptualization, and at the level of word formation and grammatical categories.

Key words: *national style, scientific picture of the world, linguistic picture of the world, naïve ethics, conceptualization.*